

Ляман БАГИРОВА

И темь моя проидет перед тобою...

А.БЛОК

День обещал быть солнечным. С утра посыпал мелкий снежок и бронзовый Барклай де Толли, видневшийся из окна нашего холста, укрылся тонким белым панном. Впрочем, и тихо падающий снег, и неяркое солнце, и светло-серое небо - оставили впечатление какой-то деликатности, стеснительной осторожности. В этот день даже ступать хотелось мягко, словно сама земля гасила шаг, и походка становилась неторопливой и задумчивой.

Так же мягко и неторопливо автобус №22 катил по трассе. Мы приближились к остановке Английский проспект, отсюда рукой было подать до набережной реки Пряжки. Там, в одном из четырехэтажных домов улицы Декабристов, на двери квартиры четвертого этажа была вывеска: "А.А.Блок".

Да, мы пришли в гости к Блоку. Именно в гости, потому что дома-музеи всегда оставляют ощущение предельной близости - соприкасности с миром великого человека. В домах-музеях есть как-то интимность, старинная сдержанность. В дома-музеи заходит, настроив себя на волну общения с его хозяевами. Пусть давно покинувшими свое жилище, но оставившими память о себе в каждой мелочи.

С первых же шагов нас поразила будничность происходящего. Если в Эрмитаж, Русский музей, Строгановский дворец и даже музей-квартиру Пушкина на Мойке, 12 мы шли, преисполненные торжественности - как же, вот сейчас увидим прославленный Эрмитаж, Русский музей! - то здесь какой-то "особенности" не было и в помине. Блоку в разные годы снимали квартиры на четвертом и втором этажах дома - именно в них и располагались экспозиции, а на первом и третьем этажах живут люди. И всякий раз, спускаясь по лестницам с витыми чугунными балясинами перил, они, может быть, и не задумываются, что по ним спускался и поминался поэт. А может, так и должно быть: надо жить в непосредственной близости от чуда, или от величия, тогда и душа облагораживается, становится тоньше и возвышеннее. Может быть... Во всяком случае, в Питере - где каждый камень - история, каждый шаг - вечность, нас не покидали эти мысли.

Длинный узкий коридор. Затеянный плафон на потолке. Дорожные чемоданы и кофр. Здесь в квартире №21 на четвертом этаже поэт прожил восемь лет - с 1912 по 1920 год. Любимое жилище Бло-

ка. Его поэт сам выбрал, о ней он восторженно писал в письме к матери: "...много воздуха и света, и вид из окон - непременно широкий, ничем не загроможденный... Вид из окон меня поразили. Хотя фабрики дымят, но довольно далеко, так что не коитят окон. За эллингами Балтийского завода, которые расширяют теперь для постройки новых дредноутов, виднеются леса около Сергиевского монастыря (по Балтийской дороге). Видно несколько церквей (большая на Гутуевском острове) и мачты, хотя море закрыто домами".

И квартира на втором этаже за номером 23, куда он вынужден был переселиться после уплотнения, и где скончался в августе 1921 года.

Вот так с разницей в два этажа - жизнь и смерть. Любовь: в квартире на четвертом этаже все дышит уютом, опрятностью и степенью налаженного быта. И неприятие: в квартире на втором этаже, где сейчас литературная экспози-

ДОМ НА ПРЯЖКЕ

(Из цикла "Питерские зарисовки")

Часть 2

ция - беспринятость. Она была вовсе не в отсутствии милых вещей, делающих быт обжитым, а в особом воздухе неприкаянности. Кажется, никогда я так отчетливо не понимала смысла словосочетания "губельная свобода", как в квартире Блока на втором этаже. Пустые широкие смежные комнаты, коридоры. Свобода как пустота, и гибель. Все же для уюта, а значит для жизни, нужна определенная замкнутость, теплая очерченность пространства.

Но в квартире на четвертом этаже было все по-другому. В ней чувствовался жилой дух, и запах ванильных булочек, дошедших с третьего этажа, растворялся в стенах. Все было тихо, и словно комната, принарядившись, ждала хозяев:

*Повеселась на буйном шире,
Вернулась поздно я домой;
Ночь тихо бродит
по квартире,
Хрюка уютный угол мой...*

Еще не зная, в какие тона окрашен кабинет поэта, я интуитивно почувствовала: спокойный, оливково-зеленый. Так и оказалось. Старинный диван, обитый оливковой тканью, круглый стол под бирхатной оливковой скатертью, ваза в зеленовато-коричневых тонах, и стол поэта, обитый зеленым сукном.

"Высокая, просторная, теплая комната, полумрак, на письменном столе горит лампа, ваза, в ней благоухают цветы. Стол стоит боком к окну, на нем ничего лишнего, чисто, аккуратно, никаких бумаг, перед столом кресло, по другую сторону - второе, вдоль другой стены большой диван, в углу голландская печь, перед ней кресло, дальше по стене шкафы с книгами, дверь в столовую. От всего впечатление строгое, но уютное, теплое", - так вспоминали о квартире поэта современники.

Письменный стол... Знаковое место в доме любого писателя или поэта. Не случайно, что именно ему - свидетелю таинства творчества посвящены строки великого современника Блока - Марины Цветаевой:

*Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною по всем путям.
Меня охранял - как ширм.*

*Мой письменный вечный мул!
Спасибо, что ног не гул
Под ношей, покажу трез -
Спасибо - что нес и нес.*

Письменный стол Блока, наверно, как нельзя лучше соответствовал его поэзии. "Монотонность до предела музыкальная, выразительная, насыщенная темпераментом. Он доносил до слушателя и мысль стиха, и ритм, и "тайный

- так описывал Блок свое возвращение домой после проводов жены Любови Дмитриевны на вокзал в очередь ее поезду.

Еще одной достопримечательностью кабинета Блока был книжный шкаф красного дерева, купленный Любовью Дмитриевной.

Библиотека Блока насчитывала более трех тысяч томов. Корней Чуковский запомнил ее так: "Преобладали иностранные и старинные книги; старые журналы, выходящие лет двадцать назад, казались у него на полках новехонькими. Теперь мне бросились в глаза Шахматов, Веселовский, Потебня, и я впервые вспомнил, что Блок по своему образованию филолог".

Поэт собирал книги всю жизнь, хождение по Букенистам было одним из его любимейших занятий. Библиотека Блока, как и его архив, по завещанию Любови Дмитриевны хранится в Пушкинском доме.

На замке книжного шкафа бронзовая накладка в виде ангелочка с одним крылом. В детстве у Блока в имени его деда был книжный шкаф с такой же накладкой. О нем поэт писал в 1907 году в стихотворении "Под масками":

*А в шкапу дремали книги,
Там - к резной старинной двери
Прилепился голый мальчик
На одном крыле.*

Через несколько лет Любовь Дмитриевна с ее неутомимой целеустремленностью и безошибочным артистическим вкусом отыскала в одном из антикварных магазинов точно такой же шкаф и подарила его супругу.

Знаки любви и внимания... Они порой бывают так незаметны, безмолвны и деликатны, что о них и не вспомнишь сразу. Но именно о них, сжимая сердце, спотыкается потом наша память. Давно лет хозяев уютного дома на Пряжке, а ангелочек на замке по-прежнему ждет их, поджак усталое крыло... И так же внимательно смотрит со стены фотопроизведения "Скорбящей мадонны" Дж. Сальви, приобретенная Блоком в 1902 году за сходство изображенной с его женой. Фотопроизведения эта никогда не покидала кабинета поэта.

"Бывают странные сближения", - проронски обронил когда-то Пушкин. В доме на Пряжке эта загадочная "странность сближений" окружала нас повсюду. И огромное старинное зеркало в комнате Любови Дмитриевны, казавшее, отражало не только рожи, кресло, маленький письменный стол и афишу спектакля, в котором она принимала участие, а ее саму - высокую, порывистую, наделенную титанической и древнерусской красотой - жену и самую боготворимую муту поэта.

Но сильнее всего чувство "странных сближений" залестнуло меня при взгляде из окна кабинета поэта. Казалось, именно об этом участке земли, очерченном каналом, фонарем, зданием аптеки. Блок написал свои знаменитые строки:

*Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленно и мусклетный свет.
Живи еще хоть четверть века -
Все будет так. Исхода нет.*

*Умираю - нечешу опять сначала,
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная градь канала,
Аптека, улица, фонарь.*

Маленький белый такс с красными глазами на столе грустит отчаянно".

→ 09

Нет, ночи не было. Были быстро сменяющиеся сумерки. Но в их синевато-блеском свете и "ледяная рыба канала, и антека, и улитка и фонарь" казались причраченными, возникшими из мгновенно приблизившегося прошлого. Даже белая геральдическая горшка на подоконнике утратила свою суть и приобрела значение символа - маленькие снежные маски на холщовом квадрате окна.

*Мы ли - пляшущие тени?
Или мы бросаем тени?
Снов, обманов и видений
Догоревший полон день.*

Экскурсия наша близилась к концу. Мы прошли по всем четырем комнатам квартиры №21. И спустились затем на второй этаж в печальную квартиру №23, в которой скончался поэт. Ощущение тепла, уюта и "странных сближений" сразу же уступили место афишае пустых сквозных коридоров.

*Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер -
На всем божьем свете!*

Неудивительно, что в конце июня 1920 года, уже в квартире №23 Блок сам сказал о себе: "Писать стихи забылший Блок...", а на все вопросы о своем молчании всякий раз отвечал коротко: "Все звуки прекратились... Разве вы не слышите, что никаких звуков нет?"

Он, воспринимавший жизнь как музыку, как гармонию или дисгармонию, он, ответивший на недоуменные вопросы современников о поэме "Двенадцать": "Во время и после окончания "Двенадцати" я несколько дней ощущал физические, слухом, большой шум вокруг - шум слитный (вероятно шум от крушения старого мира). Поэтому те, кто видит в "Двенадцати" политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой, - будь они враги или друзья моей поэмы", в квартире №23 на втором этаже не написал больше ничего, кроме прорывающей по глубине и горькой статьи "О назначении поэта" к 84-летию со дня смерти Пушкина. Статья эта, как и стихотворение "Пушкинскому дню", стали по сути творческим завещанием Блока и криком его души:

"Покрой и воля. Они необходимы поэту для освобождения гармонии. Но покой и воля тоже отнимают. Не внешний покой, а творческий. Не ребяческую волю, но свободу либеральничать, а творческую волю - тайную свободу. И поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем; жизнь потеряла смысл."

А дальше?..

Дальше было сплотиное:

"Тружусь над протоколами секции...
...составляю положение секции театров и зрелищ!"

"...Большое организационное заседание всех секций... Отчаянье, головная боль, я не читаю книг, а писателем...
...Бюро. Мое завлечение... Трехчасовый фонтан моей энергии, кажется, пробыл бюрократическую брешь."

"...Заседание бюро и членов Репертуарной секции. Незурное... Вернулся в 7-м часу, изможденный."

"...В отделе - огромная повестка организационного заседания."

"...Заседание бюро... Опять чепуха."

"...Пятичасовое заседание."

"...Заседая, сцепил зубы."

"...Ужас! Неужели я не имею простого права писательского? [Записано поверх перечня дел по Театральному отделу]."

Людей не хватало, а такой серьезный, выдумчивый и аккуратный работник, как Блок, был и вовсе паразитом.

ДОМ НА ПРЯЖКЕ

Блок - член коллегии урегулированного М. Горьким издательства "Всемирная литература", председатель дирекции Большого драматического театра, член редакционной коллегии при Петроградском отделе театров и зрелищ, член коллегии Литературного отдела Наркомпроса, член совета Дома искусств, председатель Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов, член правления Петроградского отделения Всероссийского союза писателей...

"День молчания", - особо отмечает он в записной книжке. Видимо, это воспринималось им как праздник.

И каждая из этих обязанностей приносила часы заседаний, горы рукописей, на которые Блок аккуратно пишет рецензии, хлопоты за людей, книги, пьесы.

"Он делал все по-настоящему", - писала свидетель его друг.

Александр Александрович - это наша совесть, - говорил режиссер Большого драматического театра Лаврентьев.

Мысли, планы, пометки Блока лежат в основе многих литературных и сценических начинаний тех лет: как строить репертуар - столичный и самодеятельный, как издавать русскую и мировую классику, писать к ней предисловия, как переводить Гейне, как строить работу Союза поэтов...

Все это было ценно, необходимо, глубоко. Но за всем этим, как шатренная кадка, сжигалась, уходила жизнь.

Плюс еще немалые трудности первых лет революции: затруднения с квартирой, которую "уплотняют", рубка на дрова фамильной мебели, жизнь, наполненная новыми колкими словами: "выдают провозию", "пайка", "пакс", "мерзлая картошка". Каково ему было, придумавшему милое и домашнее слово "чайники", когда в гостиной за столом, покрытым камчатной скатертью, не утихал самовар и велись неспешные разговоры о литературе, слышать и принимать все это?..

Давно пошел на рынок актерский габриэль Любови Дмитриевны, потом коллекция ее шалей, потом - драгоценности, наконец, пошпи в хоз книги.

И самое страшное... пайковые сленки, ржаные, тошнотворно сколькожые, противные. После них трудно было отмыть руки, это мешало ей на сцене, и, потроша рыбу, она плакала. И это повторялось изо дня в день, потому что сленка была основным блюдом. Хорошо еще, что она была...

Но все это, и участившиеся споры матери и жены, изуроченных новыми, непривычными условиями, и собственную латорванность Блок прятал от окружающих за своей неизменной пунктуальностью и сдержанностью.

Последняя его фотография от июня 1921 года - фотография уже живо больного человека. Заострились черты лица, бронзовое, будто сожженное лицо, горение лихорадочным блеском глаза. Больше сердца, давшая осложнение на мозг...

Он безвольно прощлся с любимыми книгами. Как-то добрал до трамвая (уже не мог ходить без палки), поехал на Стрельну, простился с морем.

У моря было тихо. Он долго сидел там один.

А вернулся - и слег. Простившись со стихией, олицетворявшей для него свободу, словно простился и с жизнью.

Во время болезни он почти ничего не допускал к себе, кроме жены. Резко обострился его всаданияи терпение, вездешные перемены настроения, усилились вспышки раздражения.

Летели на пол, вздрезки разбивались о стенку пузырки с лекарствами. Блока стали вдруг приводить в неуступные ведици.

По ночам его мучили кошмары, он боялся ложиться и проводил время в кресле. Сильно задыхался и кричал от боли в сердце.

"...Сейчас у меня ни души, ни тела нет, я болен, как не был никогда еще; жар не прекращается, и все всегда болит..." - писал он К. Чуковскийму еще 26 мая 1921 года.

Уговаривали поехать его в какой-нибудь санаторий. В конце концов он согласился на финский, чтобы быть поближе к родине.

Но было уже поздно. В таком состоянии его нельзя было отправлять одного. Надо было ехать и Любови Дмитриевне. Хлопотали о разрешении.

Жена все время была при нем, и по ее состоянию окружающие догадывались о состоянии поэта.

Врачи давно говорили, что Блок не жилец.

Но близкие и любящие люди еще на что-то надеялись.

7 августа 1921 года надеяться стало не на что.

Его похоронили без речей, на Смоленском кладбище, под старым кленом. Ему хотелось, чтобы могила была простой, и чтобы на ней рос кленер.

На похоронах было много людей и много цветов. Цветы и потом на ней не переводились. Впоследствии прах был перенесен на Литераторские могики Волковского кладбища.

"Никогда в жизни мне не было так грустно... грустно до самоуничижения... Я даже не думал о нем, но я чувствовал боль о нем... Каждый дом - кривой, серый, говорил: "А Блока нету. И не надо Блока. Мне и без Блока отлично. Я и знать не хочу, что за Блок". И чувствовалось, что все эти словодные дома и в самом деле сожрали его... Как будто с Блоком ушло какое-то оварование... всю эту переправленную словами атмосферу Блока я вспоминал - и мне стало странно, что его нет. В могилах его голос, его почерк, его изумительная чистоплотность, его вездешные волосы, его знание латини, немецкого языка, его маленькие извращения уши, его привычки, любви, "его декадентство", "его реализм", его морщины

- все это под землей, в земле, земля. Самое страшное было то, что с Блоком кончился - литература русская..." (К.И. Чуковский).

Кончилась и наша экскурсия. В сиреневых сумерках грустный дом на Пряжке панопинал причаренный корабль прошлого. Мы с подрутой молча спускались по каменным ступеням, и шаги наши гулко отдавались в тишине. Дом словно наполнил нас слержанностью, свойственной его хозяйню.

- Всего сорок один год прожил, - сказала подрута. - Так мало...

- Да, - отозвалась я. - Мало живут поэты.

Мелкий снежок, сыпавший с утра, усилился и повалил мокрыми хлопьями. Через несколько минут и река Пряжка, и дом №57 по улице Декабристов, и желтый свет фонаря укрившись тьмой. Мне вспомнились строки из последнего стихотворения Блока:

*Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сена
Тихо кланяюсь ему.*

P.S. Все, что имеет отношение к поэзии, действительно, наделено мистическими свойствами. Иначе как мистикой, магией дома Блока не объяснить мне одного любопытного факта.

Одна из моих бакинских знакомых, узнав о том, что я собираюсь в Санкт-Петербург, попросила привести два стихотворения литературного альманаха с ее страниц. Альманах был издан в Питере еще в марте 2018 года, но передать ей его не удалось. Знакомая сообщила мне номер телефона петербургского издателя, но ни адреса, ни его самого лично она не знала.

Я позвонила ему по адресу в Питер, попросила о встрече. Он сказал, что очень занят и перезвонит через неделю. Не дожидаясь звонка, я побеспокоила его вновь. Он ответил, что придет сам к нашему хостелу на Певском и позвонит перед тем, как приехать. До моего отъезда оставалось два дня. В назначенный день он опять не позвонил. Тщетно продавая всю первую половину дня, я решила не беспокоить его больше, а бакинкой знакомой ответить, что встреча не состоялась.

В этот же день мы с подрутой отправились в Дом-музей Блока. И в тот момент, как я стояла у окна в кабинете поэта и смотрела на "улитку, фонарь, антекку", раздался звонок:

- Алло, - кричал бодрый молодой голос. - Это я, Андрей! Вы в хостеле? Я могу сейчас подъехать на Невский.

- Нет, - ответила я. - Мы ждали Вас поздно, но сейчас мы далеко от Невского, на Пряжке. Если можно, давайте завтра встретимся.

- На Пряжке? - воскликнул Андрей. - Где? Я там живу!

- В музее Блока, - ответила я растерянно.

- Я живу в противоположном доме! - еще более радостно крикнули в мобильный. - Спускайтесь, я через минуту буду у музея.

Вот так и состоялась наша встреча с издателем, и заветные экземпляры поэтического альманаха были получены. Мне даже не пришлось нагибаться на себя нальцо, я просто спустилась по лестнице с четвертого этажа к парадной.

- Ну, как? - поинтересовалась подрута. Я молча показала ей альманахи.

- Спасибо Блоку - засмеялась она. - Это надо же! Сидели, ждали, отчаялись, послали далеко от дома - и пожалуйте! Мистика!

- Позина! - улыбнулась я. - Просто поэзия!